

В этом году (8 декабря) исполняется 150 лет со дня рождения Владимира Алексеевича Гиляровского - выдающегося журналиста и писателя. Уроженец Вологодчины, он больше десяти лет скитался по России, изучая ее жизнь и нравы, а впоследствии всем своим творчеством неразрывно связал свое имя с Москвой, стал ее непревзойденным бытописателем.

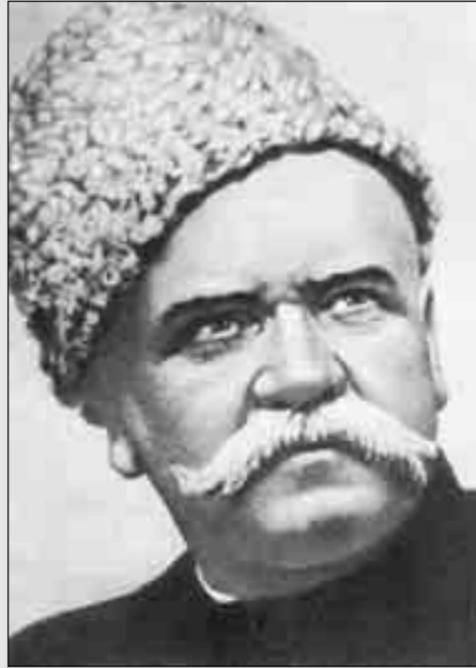
В наши дни, когда журналистику пытаются низвести до уровня служанки в политических и коммерческих «прихожих», честное перо Владимира Гиляровского взыскательно напоминает о лучших гуманистических, «человековедческих» традициях отечественной журналистики.

Сегодня наряду с фрагментами очерка В. Гиляровского «Трактиры» из его лучшей книги «Москва и москвичи» мы публикуем и материал, предложенный редакции Леонидом Репиным - известным журналистом, обозревателем «Комсомольской правды», лауреатом многих творческих премий, в том числе премии имени Гиляровского. Это глава из подготовленной к печати его новой книги «Чудный город» - о Москве, ее исторических местах, о ее славных людях. И посвящена эта глава Владимиру Гиляровскому - человеку, который являл собой, по словам К. Паустовского, «чистейший образец талантливого нашего народа».

Владимир ЛЮБИЦКИЙ

Владимир Гиляровский

ТРАКТИРЫ (фрагменты)

вая заказ гостя, вносил их за кушанье, а затем обменивал марки на деньги, полученные от гостя.

...Деньги, данные «на чай», вносились в буфет, где записывались и делились поровну. Но всех денег никто не вносил; часть, а иногда и большую, прятали, сунув куда-нибудь подальше. Эти деньги назывались у половых: подвеченные.

- Почему подвеченные?

- Это старина. Бывало, мальчишками в деревне копейки от родителей в избе прятали, совали в пазы да в щели, под венцы, - объяснили старики.

Половые и официанты жалованья в трактирах и ресторанах не получали, а еще сами платили хозяевам из доходов или определенную сумму, начиная от трех рублей в месяц и выше, или 20 процентов с чаевых, вносимых в кассу.

Единственный трактир «Саратов» был исключением: там никогда хозяева, ни прежде Дубровин, ни после Савостьянов, не брали с половых, а до самого закрытия трактира платили и половым и мальчишкам по три рубля в месяц.

...В центре города были излюбленные трактиры у извозчиков: «Лондон» в Охотном, «Коломна» на Неглинной, в Брюсовском переулке, в Большом Кисельном и самый центральный в Столешниковом, где теперь высится дом № 6 и где прежде ходила стада кур и большой рыжий дворовый пес Цезарь сидел у ворот и не пускал оборванцев во двор.

В каждом трактире был обязательно свой зал для извозчиков, где красовался увлекательный «каток»*, арендатор которого платил большие деньги трактирщику и старался дать самую лучшую провизию, чтобы привлечь извозчиков, чтобы они говорили:

- Едем в Столешников. Лучше «катка» нет!

И едут извозчики в Столешников потому, что там очень уж сомовина жирна и ситнички всегда горячие.

...Трактир Лопашова, на Варварке, был из древнейших. Сначала он принадлежал Мартыанову, но после смерти его перешел к Лопашову.

...Здесь давались небольшие обеды особенно знатым иностранцам; кушанья французской кухни здесь не подавались, хотя вина шли и французские, но перелитые в старинную посуду с надписью - фряжское, фалернское, мальвазия, греческое и т. п., а для шампанского подавался огромный серебряный жбан, в ведро величинной, и черпали вино серебряным ковшом, а пили кубками.

...На меню стояло: «Обед в стане Ермака Тимофеевича», и в нем значились только две перемены: первое - закуска и второе - «сибирские пельмени».

Никаких больше блюд не было, а пельменей на двенадцать обедавших было приготовлено 2500 штук: и мясные, и рыбные, и фруктовые в розовом шампанском... И хлебали их сибиряки деревянными ложками...

...Таков же был трактир и «Арсентича» в Черкасском переулке, славишийся русским столом, ветчиной, осетриной и белугой, которые подавались на закуску к водке с хреном и красным хлебным уксусом, и нигде вкуснее не было.

*«Каток» - длинный стол, уставленный всевозможной снедью. Теперь бы его назвали «шведский стол». А на самом деле он самый что ни на есть русский (Ред.).

АДРЕС ПАМЯТИ - СТОЛЕШНИКИ

Старый четырехэтажный дом в Столешниковом переулке. Обшарпанные, давно не видавшие ремонта стены, заколоченные листовая фанерой окна первого этажа, да и подъезд по левую сторону арки, ведущей во двор, не производят впечатление парадного. Похоже, что и дверь заколочена... Но нет, открылась. А за ней - широкая каменная лестница, на удивление чистая, разве что кошками отчаянно пахнет. Как, впрочем, и во множестве старых московских домов. Я поднимаюсь по этой лестнице и не могу избавиться от мысли, что Владимир Алексеевич, великий московский бытописатель, пятьдесят лет по ней ходил. Остановившись вот перед этой высокой двусторонней дверью с замысловатой бронзовой ручкой... Во всем подъезде теперь одна такая осталась.

А иногда он заходил со двора - и тогда его высоченная, могучая фигура, увенчанная папашой темно-серого каракуля во всякое время года кроме разве что лета, закрывала, казалось, весь проем арки. Большой талант Бог ему дал, да и силой не обделил. Приехал как-то раз Владимир Алексеевич папешку своего навесить и, забавляясь, кочергу в узел связал. Папаша осерчал, поскольку не любил, когда имущество портят, и тут же ее развязал. Железные руки - это у них было фамильное. Да и вообще, даже если об одной только внешности говорить, колоритнейшей личностью был Владимир Алексеевич. Не случайно же Репин, когда над картиной «Письмо запорожцев турецкому султану» работал, писал с него

одного запорожца. Подлинный портрет Гиляровского на первом плане остался. И известнейший скульптор Андреев его изваял в образе Тараса Бульбы в барельефе памятника Гоголю, что ныне в начале Гоголевского бульвара стоит.

При этом, как и большинство крупных, по-настоящему сильных людей, был Гиляровский добродушен и на удивление добр. Многие его друзья - и Чехов, и Куприн, и Бунин с Шалапиным - о том говорили. Все они бывали в гостях у Владимира Алексеевича вот в этом доме в Столешниковом, где он прожил большую часть своей жизни. Хотя вообще-то это уже третья квартира Гиляровского в Москве: жил он в доме № 4, что в Хлыновском переулке, потом на 2-й Мещанской, идущей от Рижского вокзала параллельно проспекту Мира и названной теперь его именем, а в 1886 году поселился здесь вот, в самом центре Москвы, в Столешниках, где все располагалось у него под рукой.

Здесь он и книги свои писал: «От Английского клуба к Музею Революции», «Москва газетная», «Люди театра», другие. Но уж, без сомнений, лучшая из них, прямо-таки захватывающая - «Москва и москвичи». Ни до него, ни после не было столь тонкого, глубинного знатока московской жизни, столь наблюдательного и пронизательного. Профессиональное его любопытство было безмерным и заставляло оказываться в самых неожиданных, порой и просто опасных местах. Пронеслись по Тверской под звон колокола пожарные - Гиляровский хватает извозчика и тут же мчится за ними. Ограбили квартиру известного артиста - и он там. Открывается новый магазин модной одежды или вернисаж какой-нибудь - Владимир Алексеевич и здесь в первых рядах. Не заметить его было невозможно - на целую голову возвышался над всеми. А раз он здесь, значит, на следующий день в газете можно будет прочесть обо всяких интересных подробностях.

Но более всего любил бывать Гиляровский в трущобах. Влекло его туда, как в заповедное место какое-то. Считал, что именно в московских трущобах и живут

самые интересные люди, со своим укладом, в который не дано проникнуть людям со стороны. А он был вхож. С одинаковым, пожалуй, уважением относились к нему аристократы в светских салонах и незаметные, трущобные люди. Слово бы излучал он какие-то особые волны, неизбежно располагающие к нему самых разных людей. Но, может, то были волны редкостной его доброты? И еще - независимости. И некоей силы особой - душевной.

А при всем том, при сугубо своем хроникерском, до скрупулезности точном отношении к факту был он еще и редкостным фантазером. Что, впрочем, никогда не выплескивалось в строки, им написанные. Вот Паустовский, к примеру, рассказывает: послал как-то письмо в Австралию - человеку, которого и на свете-то никогда не было, со своим обратным московским адресом - вот этим, столешниковским. Зачем бы это ему? А просто так. Хотелось увидеть, проследить по штемпелям, какой путь письмо совершит. Или возьмет, положит на видном месте хорошую книгу, а сам стоит, наблюдает, что с ней происходит, как люди ведут себя рядом с ней.

Но и о нем, надо сказать, по Москве легенды ходили всякие, поначалу просто-напросто ошарашивающие, а потом рассеивающие всякую малую тень недоверия. То он притачит в околотке за шиворот сразу троих грабителей - двоих сшибив лбами, а третьего при попытке к бегству сокрушив кулаком. И в самом деле была такая история. То он груженую телегу один подымет, что вытаскать из-под нее придавленного человека - тоже бывало такое. Ну а самое главное и удивительное в этом Большом человеке - его необъятное знание истории и жизни российской столицы. Знал и помнил он столько, что приводил в подлинное изумление слушателей: казалось, память человека не в состоянии столько хранить. Да ведь и человеком был Гиляровский необыкновенным. Писатель, поэт, хроникер, любил он Москву, как никакой другой город на свете, и она платила ему ответной любовью.

Леонид РЕПИН

«...Для многих москвичей трактир ... был «первой вещью». Он заменял и биржу для коммерсантов, делавших за чашкой тысячи сделки, и столовую для одиноких, и часы отдыха в дружеской беседе для всякого люда, и место деловых свиданий, и разгул для всех - от миллионера до босняка.

...Трактир Тестова был из тех русских трактиров, которые в прошлом столетии были в большой моде, а потом уже стали называться ресторанами. Тогда в центре города был только один «ресторан» - «Славянский базар», а остальные назывались «трактиры», потому что главным посетителем был старый русский купец. И каждый из городских трактиров в районе Ильинки и Никольской отличался своими обычаями, своим каким-нибудь особым блюдом и имел своих постоянных посетителей. И во всех этих трактирах прислуживали половые - ярославцы, в белых рубахах из дорогого голландского полотна, выстиранного до блеска. «Белорубашечники», «половые», «шестерки» их прозвания.

- Почему «шестерки»?

- Потому, что служат тузам, королям и дамам... И всякий валет, даже червонный, им приказывает... - объяснил мне старый половой Федотыч и, улыбаясь, добавил: - Ничего! Козырная шестерка и туза бьет!

Но пока «шестерка» станет козырной, много ей мытарств надо пройти.

В старые времена половыми в трактирах были главным образом ярославцы - «ярославские воздухопловы». Потом, когда трактиров стало больше, появились половые из деревень Московской, Тверской, Рязанской и других соседних губерний.

Их привозили в Москву мальчишками в трактир, кажется, Соколова, где-то около Тверской заставы, куда трактирщики и обращались за мальчишками. Здесь была биржа будущих «шестерок». Мальчишек привозили обыкновенно родители, которые и заключали с трактирщиками контракт на выучку, лет на пять. Условия были разные, смотря по трактиру.

Мечта у всех - попасть в «Эрмитаж» или к Тестову. Туда брали самых ловких, смысленных и грамотных ребяташек, и здесь они проходили свой трудный стаж на звание полового.

Сначала мальчика ставили на год в судомойки. Потом, если найдут его понятливым, переводят в кухню - ознакомиться с подачей кушаний. Здесь его обучают названиям кушаний... В полгода мальчик наводит под опытным руководством поваров, и тогда на него надевают белую рубаху.

- Все соуса знает! - рекомендует главный повар.

После этого не менее четырех лет мальчик состоит в подручных, приносит с кухни блюда, убирает со стола посуду, учится принимать от гостей заказы и, наконец, на пятом году своего учения удостоивается получить лопаточник для марок и шелковый пояс, за который затыкается лопаточник, - и мальчик служит в зале.

К этому времени он обязан иметь полдюжины белых мадаполамовых, а кто в состоянии, то и голландского полотна рубах и штанов, всегда снежной белизны и не помятых.

Старые половые, посылаемые на крупные ресторанные заказы, имели фраки, а в единственном тогда «Славянском базаре» половые служили во фраках и назывались уже не половыми, а официантами, а гости их звали: «Человек!»

Потом «фрочки» появились в загородных ресторанах. Расчеты с буфетом производились марками. Каждый из половых получал утром из кассы на 25 рублей медных марок, от 3 рублей до 5 копеек штука, и, переда-

